

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Очевидно, что в XXI веке стратегической задачей публичных библиотек будет не предоставление информации, а обучение способам обращения с ней, упорядочивания, использования, создания и передачи. Основная идея заключается в том, что библиотека со временем должна реализовать многообразные функции массового института управления знаниями в национальных и международных масштабах.

В конце XX века французский писатель и публицист Эрве Базен отмечал проблему гигантского роста производимой информации, с которой не под силу справиться человеку. Само знание не может больше найти прибежища в нем. Затрудняются не только общие обзоры, но и оценка знаний. Недостаток универсальных умов люди стремятся восполнить созданием абсолютной памяти – исчерпывающего каталога и информационного хранилища. Но такая память имеет преимущества лишь в пассивных характеристиках (удобство, скорость).

«Сейчас так явственно ощущается недостаток в людях, – пишет Э. Базен, – пусть они не будут гениями, а будут уметь обобщать и обладать призванием организаторов, – и их нам необходимо воспитать».

Определение Базена как нельзя лучше характеризует специалистов библиотечного дела.

При этом публичную библиотеку отличает особая позиция: межкультурная, помещенная «между» многообразными текстами, не связанная с потребностями одной науки или одной группы читателей. Это позволяет строить философию библиотеки в мультикультурной среде на основе диалогических принципов, опираясь на всю традицию философии диалога.

Сам диалог (наряду с обучением, систематизацией информации, поиском и т.п.) является одним из вариантов управления знаниями, – тем вариантом, в котором знание впервые создается. Трактовать его следует не как диалог между отдельными индивидами, а как широкий принцип получения знания вообще. Марк Розенцвейг, вводя понятие «гуманистического библиотечного дела» (humanist librarianship), пишет:

«Мы, библиотекари, знаем, что между книгами... идет непрекращающийся диалог интересов и интерпретаций, нынешних и прошлых, в присутствии им «мирового общения» через времена и территории, – диалог, который был сведен воедино, классифицирован и сделан доступным. Библиотека в этом смысле стремится охватить сложность, разнородность, глубину и многозначность этого целого – но не как мертвого груза накопленного прошлого, а как дышащий динамический процесс общения с прошлым. ...Библиотечный специалист не является, конечно, арбитром истины, но скорее фасилитатором диалога и интерпретации».

Такой подход обращает нас к школе диалога культур В.С. Библера, отмечавшего: «Диалог предполагает то общение, в котором культура прошлого не только... задаёт вопросы, но и отвечает, переформулирует свой смысл, то есть является активным нашим современником и собеседником»; «социум – это не просто некая характеристика настоящего, но некоторая одновременно разных культур, разных исторических эпох, переживаемая в настоящем».

В.С. Библер считал, что диалог возникает не на границах с иной культурой. Чем более куль-

тура углубляется в себя и обнаруживает возможность взглянуть на себя со стороны, тем более оказывается возможным и внутренне необходимым диалог.

Библер говорил о диалоге нескольких диалогов, в котором одна историческая традиция, творящая сама себя за счет диалога с прошлым и будущим, вступает в общение с другой, устроенной по тем же правилам. Эта модель и воспроизводится в плодотворной многоязычной и полиэтнической среде.

Вот что пишет Марк Сагит: «Речь идет о постоянном возрождении, которое стимулируется не формированием искусственной, импортируемой культуры, а созданием такой атмосферы, которая порождает нечто новое. В этом случае внешнее влияние не отвергается, а творчески переосмысливается».

«Наивозможная полнота включения в себя, бездонность диалога – вот что необходимо для культуры; любое механическое редуцирование, заочное исключение из внутреннего спора – вот что культуру действительно выхолащивает», – подтверждает Л.М. Баткин.

Диалогический подход, несомненно, более продуктивен, чем отношения поглощения, «прививания» ценностей одной культуры другой или отношения только лишь взаимного «изучения». Библиотека как социальный институт способна быть средой, местом встречи и наиболее насыщенного диалога носителей культуры.

Кроме того, само чтение носит диалогический характер и способствует воспитанию таких социально значимых качеств, как способность (взаимно)понимания и толерантность. Андре Моруа утверждал: «Мы читаем частью для того, чтобы подняться над собственной жизнью и понять жизнь других». Отметим, что именно утрату искусства общения с книгой Библер считал одной из опасностей современной эпохи. «Все более явно исчезает то, что можно назвать господством книжной культуры, крайне необходимой... для философского мышления. Книга, от которой я отстраняю самого себя, в которой я могу первую страницу посмотреть, продолжение посмотреть, вновь вернуться к началу, исчезает в непрерывном движении вне книжной культуры. Книжная культура перестает быть значимой для развития ребенка, подростка, самого начала движения его мысли».

Именно поэтому перед лицом «цифрового будущего» гуманитарные исследователи

предупреждают о сжати познавательных возможностей человека в условиях монополии одной формы распространения знаний. Перспективным является только обладание разными познавательными режимами, разными типами индивидуального освоения культуры – в том числе «медленным» временем книжности и «быстрым» темпом обновляемого информационного потока. Передача этих мнений означает воспитание медиаграмотности и информационной грамотности (information literacy), которым занята современная библиотека.

Это означает принципиальную перемену отношения к культуре. Вхождение в нее с помощью библиотек должно служить помощью человеку в достижении его целей и общих целей коллективов – на основе образованности, коммуникативных контактов, оснащенности знаниями.

«Коллекции и экспозиции могут служить не только витриной минувшего, но и отправной точкой нового мышления. Культура, как великолепный панцирь, облекает творческие ресурсы, в которых проявляется уникальность и неповторимость края, отражаются ценности, исповедуемые его жителями».

Французский писатель и общественный деятель Андре Мальро в своей речи 1936 года говорил:

«Культурное наследие – не сумма произведений, требующих поклонения, а сила, помогающая выжить. Культурное наследие – это хор голосов, отвечающих на наши вопросы. Наша самая благородная задача состоит в том, чтобы поддержать гуманистическое наследие, и, конечно, одному проекту сделать это будет не под силу. Но он отвечает как потребностям в распространении знаний, так и потребностям выбора... Ибо то, что Запад именует культурой, есть прежде всего, на протяжении вот уже пятисот лет, возможность выбора...»

По отношению к прошлому всякая цивилизация оказывается в положении художника перед лицом культурной традиции. Его влечет к тому или иному выдающемуся творению, выставленному в музее или на книжной полке, постольку, поскольку оно помогает ему осуществить собственный замысел... Любая цивилизация пододна Возрождению: из

материала прошлого создает она свое наследие, помогающее ей возвыситься над судьбой».

Соотношение влияния образовательных учреждений и учреждений культуры, дополнительного образования и т.д. неизбежно будет меняться. В ряде случаев это уже происходило: например, во время бума деловых тренингов и консалтинговых услуг люди получали настоящее (нужное им) образование именно через эти институты, а не там, где должны были получить «основное» профессиональное образование. Насколько библиотека будет способна взаимодействовать с разнородными знающими активными, реализовать все возможности модели управления знаниями, зависит только от нее самой. «Библиотека – необходимое дополнение к школе или университету. Более того, ...обучение – только ключ, который отпирает двери библиотеки», – писал А.Моруа.

Известный писатель Дж Фаулз подчеркивает: «Чем больше мы нуждаемся в равенстве, тем больше мы нуждаемся в образовании; чем больше у нас средств коммуникации, тем острее мы ощущаем эту потребность; чем больше у нас досуга, тем сильнее желание, чтобы нас научили им пользоваться». В этом смысле библиотека включена в круг тесно взаимосвязанных факторов культуры и управления знаниями, являясь в то же время одним из них.

Некоторые библиотеки обозначают свою область деятельности и потенциал самостоятельной работы предельно широко. «Проактивные профессионалы, ответственные за свободный поток информации и идей», работающие над тем, чтобы «встретить вызовы социальных, экономических перемен и перемен окружающей среды», решить «критические проблемы общества» – так называет своих специалистов Американская библиотечная ассоциация (ALA). Совет библиотек штата Огайо предлагает ряд шагов в библиотечном маркетинге, среди которых есть и заявления о стратегической позиции библиотек: они сами являются одним из мостов через «информационный (и цифровой) разрыв» (цифровой разрыв – резкое неравенство территорий в доступе к современным каналам коммуникаций). Они защищают право на знание, соединяют людей посредством идей и информации, способствуют становлению идентичности групп и локальных сообществ.

Однако самым долгосрочным и ценным итогом такой работы библиотек являются различные модели производства знания – помимо уже сложившейся академической. Сдесь исследовательская и творческая активность библиотечных специалистов смыкается с междисциплинарными поисками теоретиков и практиков с самыми разными сферами интересов. Словами В.

Янкевича, «эта модель направлена не на снабжение ответами и решение проблем, а на постановку вопросов и новых проблем» (по отношению к читателям публичная библиотека выполняет обратную задачу – ответы на вопросы и решение проблем). Об одной из альтернативных моделей производства знания (сетевой) пишет Ван дер Линде:

«Результаты не обязательно находятся в границах отдельных дисциплин и зачастую не удовлетворяют существующим правилам игры. Это область номинальных мигрантов по ландшафту знания, энциклопедических писателей, которые обращаются с универсумом знания как с гигантским интертекстом, интеллектуальных «мавериков». Ценность их работы оценивается не в понятиях полезности или подобия своим аналогам, но в понятиях богатства значений, возможности генерировать связи между несоизмеримыми элементами, новизны идей и взглядов».

Находясь в положении (1) непрерывного диалога, (2) интертекстуальности, (3) связи с живыми и ежедневно меняющимися потребностями людей, библиотеки становятся оптимальным местом для накопления и распространения возобновимого и даже умножаемого общественного ресурса – креативности.

Один из библиотекарей Среднего Запада США говорит о своей профессии: «Библиотекари в целом, и мои коллеги в особенности, остаются одними из самых талантливых людей на земле. Они терпеливы, образованны, дружелюбны, креативны, гибки, работоспособны и настойчивы. Я счастлив, что являюсь частью этого сообщества». Крайне важно, что созидательная функция профессионалов библиотечного дела и культуры в целом не ограничивается единичными мероприятиями, сугубо локальными нововведениями или приемами работы. «Креативно разработанные решения той или иной проблемы действия не сохраняются в сознании, они сами становятся новым способом действия – новой «привычкой» (habit)», – указывает Х. Йоас.

«Всем нам нужно напомнить, – пишет Дж. Бушмен, – что ценности и результаты работы библиотек, как и хорошее обучение, очень трудно измерить. Они могут быть глубокими, но остаются незаметными многие, многие годы... Возможность (самостоятельного) информированного размышления остается сущностью демократии и образования, и библиотеки играют здесь центральную роль».

Ляйфа МАМЕДОВА,
доцент, зав. сектором библиотек Министерства культуры и туризма.

На снимке: Президентская библиотека, Баку, Азербайджан; библиотека Кирби, колледж Лафайет, Истон, штат Пенсильвания, США.